

Krzysztof Kusal <https://orcid.org/0000-0003-0409-5396>
Akademia Humanistyczno-Ekonomiczna w Łodzi
e-mail: kkusal@ahe.lodz.pl

Русско-польская межъязыковая омонимия в системе знаменательных частей речи (субстантивные параллели)

Аннотация

Омонимия как универсальное языковое явление не ограничивается системой одного языка и, выходя за его пределы, становится межъязыковым явлением. Настоящая статья посвящена словообразовательной характеристике русско-польских омопар. Перечисленные в статье типы омонимов имеют специфику конкретного выражения, связанную с взаимодействием семантики слова в каждом из сопоставляемых языков. Как показывают наши наблюдения, межъязыковые омонимы, восходя к одному этимону, особенно ярко, демонстрируют национальные особенности внешней и внутренней (семантической) структуры слов в родственных языках.

Ключевые слова: славянские языки, лексикология, имена существительные, межъязыковая омонимия

Предварительные замечания

Межъязыковая омонимия давно привлекает внимание лингвистов уже потому, что именно она является камнем преткновения при передаче текста с одного языка на другой и нередко становится причиной недопонимания при межнациональном общении.

Для родственных славянских языков проблема лингвистического исследования межъязыковой омонимии — одна из сложных задач, ибо уже само определение объема омонимии и разграничения омонимов является необычайно трудным. Хотя польские и российские слависты давно уже проявляют интерес к проблемам русско-польской омонимии, русский язык в зеркале польского масштабному многоаспектному

лингвистическому анализу и полному лексикографическому описанию пока не подвергался. В предлагаемой статье автор обобщает свои многолетние наблюдения, предлагает собственную интерпретацию явления межъязыковой омонимии, подвергает большой конкретный материал детализированной классификации по разным параметрам, выявляет специфические особенности русских и польских омонимов в сопоставительном ракурсе и представляет проект будущих словарей данного типа.

Для описания вышеназванного явления был выбран солидный материальный корпус, отражающий «взрывоопасную» зону русско-польского языкового взаимодействия.

Основная часть

Говоря о знаменательных частях речи, мы имеем в виду лексикологический (лексико-семантический аспект) их описания (ср. Федорчук, 2000; 2001). Известно, разумеется, что и незнаменательные слова выражают некие значения, прежде всего – грамматические. Именно из этого, видимо, исходил, Р.А. Будагов, выступая против употребления термина «знаменательные» и «незнаменательные» части речи. Свое мнение исследователь обосновывает тем, что не могут существовать незнаменательные части речи (например, предлоги и союзы европейских языков выполняют важные грамматические функции). И далее подчеркивает, что понятие «знаменательные части речи», таким образом, неизбежно постулирует противоположное понятие о «незнаменательных частях речи», тем самым «основываясь на формалистической концепции» и лишая грамматику ее важнейшей функции – «способности обобщать в своих категориях объективные свойства языка в его взаимодействии с мышлением» (Будагов, 1985: 73). В действительности в грамматике части речи различаются не по признаку «знаменательные – незнаменательные», а по признаку большей или меньшей их синтаксической самостоятельности, по их функции.

И все же в данном исследовании – по устоявшейся традиции – принято разграничение частей речи знаменательных и незнаменательных. Тем более, что знаменательность интересует нас не только как категория, связанная с разграничением различных частей речи, но и как категория значимая для лексической семантики: известно, что в лексикологии исследуются слова знаменательные.

При рассмотрении частей речи мы опирались на двухступенчатую классификацию, предложенную В.В. Бабайцевой (Бабайцева, 1991: 3–14). Основным критерием данной классификации является «полнота набора дифференциальных признаков частей речи» (там же с. 10). В соответствии с этим критерием автор выделяет типичные образования, обладающие полным набором дифференциальных признаков, и синкетичные явления, совмещающие дифференциальные признаки разных частей речи.

В центре нашего внимания находятся имена существительные обоих языков обладающие полным набором специфических дифференциальных признаков, являясь ядром системы частей речи в славянских языках.

Существует мнение, что при сопоставлении родственных славянских языков сопоставление «от формы к значению» имеет свои преимущества, ибо способствует более четкому и строгому изучению системных и функциональных эквивалентов в сопоставляемых языках (см.: Широкова, 1978). Данное утверждение можно отнести и к формально тождественным/сходным лексемам двух родственных языков.

Существительные, как известно, занимают особое место в системе языка и составляют ядро лексикона. По наблюдениям психолингвистов, существительные первичны в развитии речи как в филогенезе, так и в онтогенезе; они осознаются раньше, чем другие части речи (см.: Залевская, 1979; 1990). С другой стороны, именно эти слова с наибольшей яркостью передают национальное своеобразие языковой картины мира, отражают нюансы особенностей его восприятия каждым славянским народом в рамках единой языковой культуры. Поэтому вполне естественно (и закономерно), на наш взгляд, что большую часть русско-польских омонимов составляют имена существительные.

Перейдем к их описанию.

В плане формального соответствия русско-польских омонимов в разряде существительного нами выделены следующие типы: фонетико-графические, графические, фонетические.

I. Фонетико-графические межъязыковые омонимы это слова полностью совпадающие по звучанию и написанию в исходной форме и большинстве словоформ.

Сравним, например, рус. **БА'БА** 1) *устар.* ‘замужняя крестьянка’, ‘простая, необразованная женщина’, 2) *прост.* и *обл.* ‘жена’ 3) *прост.*, обычно пренебреж. ‘женщина вообще’ 4) *разг.*, *презр.* ‘о робком, слабохарактерном мужчине’, 5) *разг.* ‘то же, что бабушка’ и польск. **BAŁABA** 1) *baba* – ‘старуха’), 2) ‘старая по возрасту женщина’, 3) = русск. **БАБА** (3), 4) = русск. **БАБА** (4), 5) ≈ русск. **БАБА** (5), так как стилист. нейтр.), 6) ‘женщина, принимающая детей во время родов; повитуха’, 7) *устар.* ‘гадалка, знахарка’.

Приведем еще примеры: рус. **БАЛАМУТ** в значении (*разг.*) ‘человек, вносящий смятение, беспорядок; смутьян’ и польск. **BAŁAMUT** ‘обольститель; повеса’. Слова эти образуют межъязыковую омонимичную пару, ибо польская лексема, в отличие от русского однозначного слова, является многозначным, то есть шире по семантике. Ср. в польск. **BAŁAMUT** 1) ≈ рус. **БАЛАМУТ** ‘тот, кто ведет себя задиристо, чье поведение выходит за рамки общепринятых норм’, 2) ‘тот, кто ухаживает за женщинами, напористо добивается взаимности в любви; обольститель’.

Рус. **БЛЯ'ХА** имеет два значения 1) ‘металлическая пластина, служащая для украшения сбруи, мебели или являющаяся пряжкой, застежкой’, 2) ‘металлическая пластина с надписью, удостоверяющая должность носильщика, дворника и тому подобное’ лишь частично совпадает по семантике с польской лексемой **BLACHA**:¹ **БЛЯ'ХА** *ż*

1. *znaczek blaszany; numerek; blaszka*

¹ Здесь и далее иллюстративный материал приводится по Русско-польскому словарю межъязыковых омонимов (Kusal, 2002).

Носильщик с бляхой на груди. Bagażowy z numerkiem na piersi.
2. sprzączka ozdobna; klamra
Сбруя с бляхами. Uprząż z klamrami.

BLACHA ж.

1. листовое железо; жесть
Blacha miedziana. Листовая медь.
2. плита; противень
Gotować na blasze. Готовить на плите.
◊ разг. Wykuć na blachę. *pot.* ◊ Выучить назубок. Вызубрить.

Как показывают наши наблюдения, *фонетико-графические* русско-польские омонимы составляют наибольшее количество из числа проанализированных существительных. Это объясняется, на наш взгляд, тем, что межъязыковые омонимичные пары чаще всего образуют общие по происхождению (однокоренные) существительные. Ими могут быть как славянские, так и заимствованные слова, существование которых свидетельствует об общих источниках заимствования лексики и тесном взаимодействии русского и польского языков в процессе их исторического развития. Напомним, что наиболее древний пласт в словарном составе русского и польского языков составляют слова славянские, восходящие в основном к общеславянской лексике. Они составляют ядро словарного состава каждого из языков, обозначая, как правило, важные сферы жизни. Это названия предметов труда, явлений природы, отрезков времени, растительного мира, домашних и диких животных, рыб, органов тела, людей по их родственным отношениям, абстрактных понятий (Беднаж, 2002: 56).

Кроме того, межъязыковые фонетико-графические омонимы в разряде существительных могут возникать и в результате *случайного* совпадения разных по происхождению и семантике слов типа рус. **КОМА** мед. ‘потеря сознания с резким ослаблением организма’, ‘тяжелое болезненное состояние, связанное с нарушением реакции организма на внешние раздражения’ и пол. **КОМА** Iлингв. ‘знак препинания, имеющий форму крючка и употребляющийся для обособления слов и предложений; запятая’.

Исследование показало, что именно для русских и польских существительных характерно сохранение тождества формы в значительно большей степени, чем в других частях речи.

II. Графические межъязыковые омонимы.

Обнаружено, что графические русско-польские омонимы составляют 22% от общего количества проанализированных существительных (см. Список омопар).

Приведем примеры. Графическими межъязыковыми омонимами являются рус. **ПАСТВА** и польск. **PASTWA**, вместе с тем, семантика их различна:

ПАСТВА *ż zbiór*:

rel. parafianie, wierni

Вчера настоятель встречался со своей паствой. Wczoraj proboszcz spotykał się ze swoimi parafianami.

PASTWA жс.

устар. корм, пища; добыча (только во фраз. сочет.)

◊ Rzucić (wydać) kogoś, coś na pastwę; na pastwę komuś, czemuś. ◊ Отдать (оставить) на съедение кому-л.

◊ Rzucić kogoś na pastwę losu. ◊ Бросить (оставить, кинуть) на произвол судьбы кого-л.

◊ Być (stać się, paść) pastwą czegoś (kogoś). Быть (оставаться, стать) жертвой чего-л.; ◊ оставаться на съедение кому-л.

Графическими омонимами являются и соотносительные слова «**жа'лоба**» и «**żałoba**» (см. выше) и **ОПАСКА** – **OPASKA**.

Оба компонента межъязыковой омонимичной пары рус. **ЖА'ЛОБА** – польск. **ŻAŁOBA** имеют общее происхождение: данные отглагольные существительные (рус. жа'л + *об* –а ← жал ова/ть/ся; польск. żał + *ob* –a ← żał /i/ć się) образованы с помощью одной морфемы – с использованием общеславянского суффикса **- ба** (- ba).

ЖА'ЛОБА *ż*

1. skarga; narzekanie, utyskiwanie; żale

Жалобы на одиночество. Narzekanie na samotność.

pot. Приставать с жалобами к кому-л. Dokuczać komuś ciągłymi skargami.

Вечные жалобы. Wieczne (ciągle) utyskiwania.

2. skarga, zażalenie

Подать, рассмотреть жалобу. Złożyć, rozpatrzyć skargę (зажаление).

praw. Кассационная жалоба. Skarga odwoławcza.

Книга жалоб и предложений. Książka zażaleń i wniosków; książka życzeń i zażaleń.

ŻAŁOBA жс.

1. траур; скорбь

Ogłosić żałobę narodową. Объявить национальный траур.

◊ Okryć (się) żałobą. Погрузить(ся) в скорбь.

2. траур (чёрная одежда, повязка и тому подобное)

Nosić żałobę po matce. Носить траур по матери.

Ср. также:

ОПА'СКА *ż*

pot. obawa

С опаской. Z obawą.

Ходили к нему без опаски. Chodzili do niego bez obawy.

OPASKA жс.

1. повязка; бинт

Opaska żałobna. Траурная повязка.

Opaska biodrowa, na biodrach. Набедренная повязка.

Złożyć opaskę na ranę. Наложить повязку на рану.

2. бандероль

Przesłać pod opaską. Послать бандеролью.

Акцентологические различия наблюдаются и в следующих межъязыковых соответствиях омонимического характера: рус. **ЗАМАХ** ‘резкое поднятие руки для нанесения удара’ и польск. **ZAMACH** 1) ‘покушение’; 2) ‘размах, разгон’.

Итак, перед нами омографы (если принять для описания межъязыковых омонимов классификацию, принятую при характеристике внутриязыковой омонимии).

При этом следует отметить, что специфической чертой межъязыковых русско-польских омографов (в разряде существительных) является то, что в омонимические отношения могут вступать не только слова, имеющие тождественное написание (при акцентологических различиях в устной речи), но и те лексемы русского и польского языков, которые не различаются по месту словесного ударения (**пост – post, кит – kit, нарта – narta, наушник – nausznik** и под.). Как видим, подобные различия наблюдаются не только у слов, случайно совпавших по форме (ср. внутриязыковые русские омонимы *му'ка – мука'*), но и у лексем, восходящих к одному корню. Однако, как отмечают исследователи восточнославянских языков, акцентологические расхождения для общих по происхождению слов в принципе не характерны (см. Ровдо, 1980; Заславская, 1985).

Среди межъязыковых омонимов графического типа (омографов) особую подгруппу составляют слова, совпадающие в русском и польском языках по написанию, но различающиеся по фонетическому облику. Вместе с тем и межъязыковые соответствия типа **качка – kaczka, диван – dywan, опаска – opaska** и др. также относятся к межъязыковым **омографам**, ибо при тождестве графической формы подобные лексемы двух языков имеют различия в произношении отдельных звуков. Степень соответствующих различий определяется весьма условно, в основном – с опорой на данные русской и польской орфоэпии; в некоторых случаях довольно сложно провести границу между фонетико-графическими и графическими русско-польскими омонимами.

Кроме фонетико-графических и собственно графических субстантивных межъязыковых омонимов, в русском и польском языках можно выделить и фонетический тип.

III. Фонетические межъязыковые омонимы.

По нашим наблюдениям, фонетические русско-польские омонимы в разряде существительных представлены меньшим количеством пар. В нашей картотеке их насчитывается всего 68 пар (=17%). Пишутся такие слова нередко по-разному, но в звучании оказываются сходными. Таковы, например, рус. „**высыпка**“ и польск. „**wysypka**“ (*скорее фонетико-графические*); ср. также **посадка – posadka, пожитки – pożytki, спуд – spód**, **дробина – drabina, врушка – wróżka** и под.

При этом семантика фонетических межъязыковых омонимов, как и семантика всех субстантивных омонимов, не совпадает. Сравним, к примеру, значения многозначных слов – рус. **ВЫСЫПКА** 1) ‘вываливание, выкладывание чего-либо путем ссыпания’; 2) **охом**. ‘внезапный прилет множества дичи’ и польск. **WYSYPKA**

1) разг. ‘искусственное земляное возвышение; насыпь’; 2) мед. ‘мелкие пятнышки или прыщики, появляющиеся на теле при некоторых болезнях; сыпь’; 3) = рус. **ВЫСЫПКА** (2).

Приведем еще примеры.

Графически совпадают и межъязыковые соответствия – русс. “**БЕГУН**” (в транскрипции – [б’игу’н]) и польск. “**BIEGUN I, II**”. Как известно, в польском языке все губные отвердели в разнообразных грамматических категориях и формах не только на конце, но и в середине слов, в том числе перед гласными переднего ряда Е, И. Только перед i (разного происхождения) в современном польском языке произносится полумягкий согласный (Kusal, 1998: 58–59).

Семантика русской лексемы БЕГУН не совпадает с польской **BIEGUN**:

БЕГУН *m*

biegacz

Бегун на короткие дистанции. Biegacz krótkich dystansów.

BIEGUN *m.*

1. полюс

геогр. Biegun południowy, północny. *geogr.* Северный, Южный полюс.

Δ Biegun zimna. Δ Полюс холода.

физ. Δ Biegun dodatni, ciemny. *fiz.* Δ Положительный, отрицательный полюс.

перен. ♦ Dwa bieguny. *przen.* ♦ Два полюса.

2. (чаще мн.) полоз; полозья

Koń na biegunach. Детская деревянная лошадка.

Fotel na biegunach. Кресло-качалка.

3. устар. рысак

Dosiąć bieguna. Сесть на рысака.

Совершенно не пересекаются значения русского слова **БЕГУН** с двумя значениями лексемы **BIEGUN** 1) полюс’; 2) перен. ‘нечто, прямо противоположное чему-либо другому; антипод’.

Следует отметить, что межъязыковые омонимичные пары, включающие в свой состав устаревшие значения, в гораздо меньшей степени способны стать источником лексико-семантической интерференции, ибо подобные значения русского и польского слов находятся в пассивном запасе билингвов.

Итак, исследование показало, что в ПВ межъязыковые русско–польские омонимы в разряде существительных представлены во всех трех разновидностях, известных и в классификации внутриязыковых омонимов – это межъязыковые **фонетико-графические** (полные лексические омонимы или – чаще – омоформы), **графические** (омографы) и **фонетические** (омофоны).

Рассмотрение меры частотности трех названных типов русско–польских межъязыковых соответствий омонимического характера в ПВ целесообразно завершить статистическими выводами. Из 300 русско–польских омонимов нашего общего списка 61% составили **фонетико-графические**, 22% – омонимы **графические** (см. Сводный список омопар). И только 17% составляют омонимы **фонетические**.

Эти данные говорят о том, что для русско–польских омонимов (в разряде существительных) в большинстве случаев характерно почти полное (фонетико-графические) тождество формы. Причины подобных формальных совпадений у существительных двух славянских языков – прежде всего в их этимологическом родстве. В то же время семантика, как сфера более подвижная (по сравнению с фонетической формой), определяет существование различий слов-омонимов, их семантическое несовпадения; мало того, зачастую – отнесенность к разным языковым мирам (Черемисина, 1992; Новикова, Черемисина, 2000).

Выводы

Многие субстантивные омонимические пары, зафиксированные и описанные в настоящей работе, являются собой трудные случаи освоения русского языка поляками (и наоборот), ибо языковое родство, как показывает практика преподавания, постоянно толкает и переводчика, и студента или учащегося, на ложную идентификацию «чужого» на основе «своего». Таковы, например, пары: *академик – akademik, выправка – wyprawka, невеста – niewiasta, овоци – owoce, роскошь – rozkosz, самоход – samochód, словник – słownik, ссаки – ssaki, урок – urok* и под.

Не меньшие носители подобной опасности – такие лексические пары, которые, имея общий «семантический множитель», уводят носителя другого славянского языка в иные коннотативно-функциональные и ассоциативные сферы: *вонь – woń, дело – dzieło, заказ – zakaz, питание – pytanie, рогатка – rogatka, родина – rodzina, фамилия – familia* и др. Ряд из них можно представить в виде больших омонимических ‘цепочек’. Особо активны здесь такие омопары, как: *охота – ochota, охотник – ochotnik, скаред – szkarada, скаредник – szkaradnik, чин – czyn, чинность – czynność, чинный – czynny* и т.п.

Нужно подчеркнуть, что само по себе выявление (и лексикографическое описание) такого рода омонимических пар чрезвычайно полезно не только для диагностики потенциальных ошибок, но и многое дает для практики обучения русскому и польскому языкам как креативный дидактический материал. Таковы, в частности, омонимические пары типа: *последки – pośladki, склеп – sklep, сопли – sople, греч – gracz, кеды – kiedy, качка – kaczka, локатор – lokator, перекур – przekór, погреб – pogrzeb, тлен – tlen, урод – uroda* и так далее. Они вызывают в славянской среде постоянный «эффект неожиданности», позволяющий инструментализировать омонимы в дидактических целях.

Немаловажно при этом, что они нередко отражают как исторически закономерные межъязыковые связи (напр., *болото – błoto, завод – zawiód, засада – zasada, злодей – złodziej, лыжи – łyżwy, смысл – zmysł, справка – sprawka, укроп – ukrop, час – czas*), так и „классическию“ омонимию, образованную случайным звуковым совпадением (*буй – bój, бур – bór, вор – wór, кум – kit, морс – mors, ниц – nic, сумма – suma, хорда – horda*).

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что русско-польская субстантивная омонимия реальный лингвистический факт, требующий специального изучения. Многие омопары, обладая интерфероносным потенциалом, создают иллюзию взаимопонимания при фактическом отсутствии такового и являются камнем преткновения при передаче текста с одного языка на другой. На эту категорию лексики нужно обращать особое внимание в процессе преподавания русского и польского языков в иностранной аудитории.

Такой материал может стать также составной частью сопоставительного словаря славянских языков, в котором явление межъязыковой словообразовательной омонимии будет занимать надлежащее место.

Литература

- Бабайцева В.В. (1991), *Место переходных явлений в системе языка (на материале частей речи)*, [в:] *Переходность и синкремизм в языке и речи: Межвузовский сборник научных трудов*, Москва, с. 25–88.
- Беднаж М.А. (2002), *Польско-українська міжмовна омонімія*, Opole.
- Залевская А.А. (1979), *Межъязыковое сопоставление в психолингвистике*, Калинин.
- Залевская А.А. (1990), *Слово в лексиконе человека: психологическое исследование*, Воронеж.
- Заславская Н.В. (1985), *Семантико-стилистическая и функциональная характеристика межъязыковых омонимов в русском и украинском языках*, Автореферат дис. ... канд. филол. наук, Киев.
- Новикова Н.С., Черемисина Н.В. (2000), *Картины мира и многомирье в языке и поэтическом тексте, „Русская словесность“*, № 1, с. 2–6.
- Ровдо И.С. (1980), *Межъязыковая омонимия в условиях русско-белорусского и белорусско-русского билингвизма*, Автореферат дис. ... канд. филол. наук, Минск.
- Федорчук Е.В. (2000), *Типы межъязыковых лексических омонимов (на материале русского и украинского языков)*, [в:] *Тезисы докладов 50-й научно-практической конференции преподавателей и студентов. В 2 ч. Ч. 1*, Благовещенск.
- Федорчук Е.В. (2001), *Межъязыковые омонимы и паронимы в близкородственных языках (на материале русского и украинского языков)*, Автореферат дис. ... канд. филол. наук, Москва.
- Фомина М.И. (1990), *Современный русский язык. Лексикология*, Москва.
- Черемисина Н.В. (1992), *Семантика возможных миров и лексико-семантические законы, „Научные доклады высшей школы. Филологические науки“*, № 2, с. 111–117.
- Широкова А.Г. (1978), *Теоретические предпосылки сопоставительного изучения славянских языков*, „Вестник Московского государственного университета. Сер. 9: Филология“, № 6.
- Kusal K. (2002), *Rosyjsko-polski słownik homonimów między językowych*, Wrocław.

References

- Babaytseva V.V. (1991), *Mesto perehodnyhâvlenij v sisteme âzyka (na materiale častej reči)*, [v:] *Perehodnost' i sinkretizm v âzyke i reči: Mežvuzovskij sbornik naučnyh trudov*, Moskva, s. 25–88.
- Bednaž M.A. (2002), *Pol'sko-ukraïns'ka mižmovna omonimiâ*, Opole.
- Čeremisina N.V. (1992), *Semantikavo zmožnyh mirov i leksiko-semantičeskie zakony*, „Naučnye doklady vysšejškoly. Filologičeskie nauki“, № 2, s. 111–117.
- Fedorčuk E.V. (2000), *Tipy mež"âzykovyh leksičeskikh omonimov (na materiale russkogo i ukraïnskogo âzykov)*, [v:] *Tezisy dokladov 50-j naučno-praktičeskoj konferencii prepodavateley istudentov. V 2 č. Č. 1*, Blagovešensk.
- Fedorčuk E.V. (2001), *Mež"âzykovye omonimy i paronimy v blizkorodstvennyh âzykah (na materiale russkogo i ukraïnskogo âzykov)*, Avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk, Moskva.
- Fomina M.I. (1990), *Sovremennyj russkij âzyk. Leksikologîâ*, Moskva.
- Kusal K. (2002), *Rosyjsko-polski słownik homonimów między językowych*, Wrocław.
- Novikova N.S., Čeremisinan.V. (2000), *Kartiny mira i mnogomirie v âzyke i poètičeskom tekste*, „Russkaâslovesnost“, № 1, s. 2–6.
- Rovdo I.S. (1980), *Mež"âzykovaâ omonimiâ v usloviâh russko-beloruskogo i belorussko-russkogo bilingvizma*, Avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk, Minsk.
- Širokova A.G. (1978), *Teoretičeskie predposyлki sopostavitel'nogo i zučeniâ slavânskih âzykov*, „Vestnikmoskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 9: Filologîâ“, № 6.
- Zalevskaâ A.A. (1979), *Mež"âzykovoeso postavlenie v psiholingvistike*, Kalinin
- Zalevskaâ A.A. (1990), *Slovo vleksikone čeloveka: psihologîcheskoe issledovanie*, Voronež.
- Zaslavskâ N.V. (1985), *Semantiko-stilističeskaâ i funkcionâl'naâ harakteristika mež"âzykovyh omonimov vrusskom i ukraïnskom âzykah*, Avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk, Kiev.

Streszczenie

Rosyjsko-polska między językowa homonimia w systemie części mowy pełnoznacznnych (paralele substantywne)

Homonimia jako uniwersalne zjawisko językowe nie ogranicza się do systemu jednego języka, lecz wykraczając poza jego granice, przyjmuje postać zjawiska między językowego. Artykuł poświęcony jest słowotwórczej charakterystyce rosyjsko-polskich par homonimicznych. Omawiane typy homonimów wykazują swoistość realizacji wynikającą z odmiennych uwarunkowań semantycznych w każdym z porównywanych języków. Przeprowadzone analizy pokazują, że między językowe homonimy wywodzące się ze wspólnego etymonu szczególnie wyraźnie ujawniają narodowe cechy zarówno zewnętrznej, jak i wewnętrznej (semantycznej) struktury leksemów w językach pokrewnych.

Słowa kluczowe: języki słowiańskie, leksykologia, rzeczowniki, homonimia między językowa

Abstract**Russian–Polish interlingual homonymy within the system of content words (substantive parallels)**

Homonymy, as a universal linguistic phenomenon, is not confined to the system of a single language; when it crosses its boundaries, it becomes an interlingual phenomenon. The article examines the word-formation properties of Russian–Polish homonymous pairs. The types of homonyms discussed display specific modes of realization, shaped by the semantic functioning of the respective lexical items in each language. The analysis demonstrates that interlingual homonyms originating from a common etymon particularly clearly highlight the national characteristics of both the external and internal (semantic) structure of lexemes in related languages.

Keywords: Slavic languages, lexicology, noun names, cross-linguistic homonymy